лось, более постоянная, более серьезная публика заинтересовалась им ... и в обрядах французского протестантизма оно получило официальное *место».*[19] *Как сообщает тот же автор, в 1542 г. теологический факультет* Сорбонны потребовал запрещения этого собрания Маро и Кальвина.[20] Этот пример, взятый почти наугад, очень характерен для происхождения и судеб переложений псалмов в Европе, раздираемой борьбой католичества и протестантизма.

Себя и свои чувства, равно как и своих противников, поэты уподобляют героям Библии и новые чувства, новые идеи выражают на языке пророков и псалмопевца.

В России это обращение поэтов к ветхозаветному стилю и темам начинается во второй половине XVII в. и продолжается до декабристов и Пушкина.

Вторая половина XVII в. ознаменована в России всеобщим кризисом православной церкви и ожесточенной борьбой направлений внутри нее.

В этом кризисе, в этом «расколе» православия отразились большие исторические перемены, происходившие еще подспудно и подготовлявшие тот перелом в истории нации, который мы называем эпохой петровских реформ. В этих религиозных распрях в какой-то мере отразились новые черты общественного сознания и индивидуальной психологии, широко и разнообразно отразившиеся в литературе второй половины XVII в. Недаром в огне этой религиозной борьбы создалось самое яркое литературное произведение XVII в. — «Житие» Аввакума.

Д. С. Лихачев считает автобиографизм одной из самых характерных черт литературы второй половины XVII в. Этот автобиографизм, по его мнению, был следствием «слабости» литераторов XVII в., их неумения окончательно порвать с «историей» и перейти к ничем не ограниченному художественному вымыслу: «Слабость этого автобиографического метода в том, что явления собственной биографии бывает нелегко обобщить, усмотреть в ней факты, характерные для какой-то определенной среды. Автобиографы пытаются обобщить явления своей жизни, описывая их в житийных трафаретах или снабжая их собственными размышлениями и поучениями, как это делали в своих житиях протопоп Аввакум и его „соузник“ Епифаний».[21]

Эта объяснимая исторически «неумелость» — признак негативный; литература второй половины XVII в. выдвинула и свои новые эстетические принципы. Одна из этих новаторских художественных идей — уравнение или приравнение земного и небесного, человека и святого и в конечном счете человека и бога. Это «уравнение» совершалось еще внутри сознания, проникнутого религиозными представлениями, оно еще не содержало никаких богоборческих замыслов, но все же в этом «уравнении» проявилась особая черта мировосприятия, чуждая иерархическому мироотношению русского средневековья. Наиболее разительный пример такого разрушения привычной иерархии между земным и небесным — Аввакум как автор «Жития». В. В. Виноградов отметил в стиле «Жития» Аввакума «два стилистических слоя»: «В одном плане житийный рассказ — это повесть Аввакума об его „волоките“, об его „плавании“ по житейскому морю. Но способ рисовки реальных событий определяется той церковно-библейской литературой, в кругу которой вращалась творческая интуиция Аввакума.

---

[19] H. Guy. Histoire de la poesie française au XVI-e siècle, t. II. Paris, 1926, стр. 97.
[20] Там же, стр. 97—98.
[21] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Изд. АН СССР, М.–Л., 1958, стр. 133.